

Сентября 18 (1 октября)

Священномученик
Иоанн (Васильев)

Священномученик Иоанн (Иван Иванович Васильев) родился 18 июня 1876 года в деревне Малая Киселенка Новоторжского уезда Тверской губернии в благочестивой крестьянской семье¹. Не для земного крестьянского труда хотелось приготовить своего сына Ивану Васильеву, а для небесного – служения Богу и Его святой Церкви. В те времена, когда существовали сословные ограничения, не просто было дать крестьянским детям образование в духовном учебном заведении, но отец Ивана добился своего, определив сына в Тверскую Духовную семинарию, которую тот окончил в 1898 году. Через три года, в 1901 году, Иван Иванович был рукоположен в сан священника ко храму села Осипова Новоторжского уезда. За усердное служение через несколько лет он был возведен в сан протоиерея. Здесь, в селе Осипово, прошла безвыездно его жизнь до 1928 года, когда он был переведен в целях укрепления прихода в храм села Таложня Новоторжского уезда.

До его приезда духовная жизнь в Таложне из-за нерадивости священника была в небрежении. Отец Иоанн сразу же наладил частые службы не только в храме, но и служение молебнов в домах прихожан. За каждой службой он говорил проповедь, призывая православных к нравственному совершенствованию и духовному возрождению; он объяснял слово Божие так, чтобы оно стало доступным пониманию каждого прихожанина. Отец Иоанн призывал к частой молитве, к внимательному отношению к окружающей человека действительности, научая понимать, что все случающееся с нами есть действия Промысла Божия, и как таковые имеют глубокое значение в деле спасения нашей души. Во время служб о. Иоанна храм стал наполняться молящимися, в дом Божий потянулись люди, чуть было не отошедшие от веры, в прихожанах стала воскресать любовь ко храму и богослужению как орудию их собственного спасения, службы стали восприниматься как нечто живительное и необходимое, подобно воздуху, без чего может наступить духовная смерть. Безбожные власти, видя оживление духовной жизни в приходе, стали принимать свои меры.

В 1929 году единственный в этих местах член коммунистической партии на сельском сходе поставил вопрос об отмене празднования церковных праздников – Ильина дня и Преображения Господня. Против такого предложения выступили староста храма Антоний Кузьмин и крестьяне Бойков и Скачков. Подали протестующие голоса и многие крестьяне с места, но власти записали решение собрания так, будто большинство стоит за отмену.

На следующий день староста храма собрал прихожан, которые постановили: продолжать празднование церковных праздников. Из сельсовета о. Иоанну было послано распоряжение, чтобы он в эти праздники отменил службы, но священник проигнорировал запрет и продолжал служить по-прежнему.

В 1930 году власти сделали попытку закрыть храм за ненадобностью, будто он мало посещаем и население в нем не нуждается. Но не таков был этот приход, прихожане любили храм и почитали своего священника. Тут же было собрано множество подписей, и храм удалось отстоять.

Прихожане за год служения у них о. Иоанна искренне полюбили его и взяли на свое попечение и храм, и священника с его супругой Елизаветой (их единственный сын был взрослым и жил в другом городе), возя дрова для отопления храма и дома священника, своевременно внося деньги для уплаты налогов. И батюшка, приходя в сельсовет, добродушно говорил: "Спасибо, что старые люди помогают, а то иначе бы пришлось закрыть храм".

В декабре 1930 года власти все же решили добиться закрытия храма. Для достижения этой цели они выставили такую сумму налога за пользование церковным зданием, что ни священнику, ни прихожанам внести ее было невозможно, тем более что большинство прихожан о. Иоанна были людьми бедными, а в самой двадцатке состояли почти одни бедняки, с которых взять было нечего и, соответственно, выслать их под тем предлогом, что они кулаки, невозможно. Причем на этот раз власти запретили сбор средств для уплаты налога, а также и сбор подписей против закрытия храма и уже готовы были праздновать свою победу.

После богослужения о. Иоанн объявил, что от церкви требуют уплаты налога, в противном случае храм будет закрыт. Выступил со своим словом председатель церковного совета Антоний Кузьмин, который сказал, что церковь и рада бы заплатить все налоги, но в церковной кассе нет стольких денег. Среди присутствующих сразу же начался сбор денег. Первой положила пять рублей самая бедная из прихожанок Мария Федоровна из деревни Шевково, а за нею стали жертвовать и все остальные, и в течение получаса прихожане, полные решимости отстоять храм, собрали нужную сумму.

Наступил 1931 год, а службы в храме продолжались, несмотря на все ухищрения безбожников. Но это было время ужесточения гонений. Еще 14 февраля 1929 года центральная власть издала обязательную для исполнения всеми местными сатрапами директиву, в которой, в частности, было сказано: "Церковно-религиозные организации используют трудности социалистического строительства в целях мобилизации реакционных и малосознательных элементов страны..."

С усилением классовой борьбы в деревне, как одна из форм этой классовой борьбы, особенно усиливается деятельность религиозных организаций среди реакционных и малосознательных прослоек крестьянства. Деятельностью религиозных организаций принимает активное участие в антисоветской работе кулачество, часто используя церковные советы как аппараты своего влияния перевыборов в советы, агитируя против сдачи хлеба заготовительным органам, против советской школы, коллективизации, социалистического переустройства сельского хозяйства, против деятельности партии, комсомола, юношеского движения, нашей работы среди женщин и против других общественных и культурных мероприятий соввласти и партии...

Наркому Внудел и ОГПУ. Не допускать никоим образом нарушения советского законодательства религиозными обществами, имея в виду, что религиозные организации являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы..."²

В тех случаях, когда Сталин привлекал к исполнению директив ОГПУ, действия властей всегда были последовательно жестокими. И жестокости этой требовал сам Сталин. В январе 1931 года руководящие работники ОГПУ собрались, чтобы провести совещание о методах уничтожения крестьян. Соответствующее приглашение было прислано Молотову. Но вместо Молотова ответил Сталин: "Считаю нецелесообразно, неправильно превращение

конкретной и совершенно определенной директивы ЦК о кулаке из предмета проведения в жизнь в предмет широкой агитации, хотя бы среди актива чекистов. Достаточно будет вполне, если директива ЦК о кулаке будет передана в ПП ГПУ (*Полномочное Представительство Государственного Политического Управления при НКВД РСФСР*). на руки. Ни Молотов, ни кто-либо из секретарей ЦК не будут принимать участие в предпринятых ОГПУ совещаниях "ответственных работников ОГПУ". Совещание считаю излишним"³.

Ни о. Иоанн, ни крестьяне, члены церковной двадцатки, не знали о принимаемых на их счет указах, которые не замедлили осуществиться практически. Рано утром 11 марта 1931 года священник села Таложня о. Иоанн и пятеро наиболее активных в церковном отношении крестьян были арестованы. Не надеясь на то, что они оговорят себя, ОГПУ не спешило их и допрашивать, не предъявляло им и обвинение. А тем временем допрашивали тех, кто стоял за безоговорочное закрытие храма. Их ответы неизбежно обрекали священников и верующих крестьян на арест: "Считаю, что дальнейшее пребывание Кузьмина (председатель церковного совета) в обществе с его политическими взглядами на советскую власть не допустимо"⁴. И так о каждом из арестованных крестьян. Только в конце апреля ОГПУ допросило обвиняемых. Отец Иоанн Васильев, отвечая на вопросы следователя, сказал:

– Сам я советскую власть признаю и выполняю все ее требования. В момент моего переезда в село Таложня председателем церковного совета был гражданин села Кузовкова Кузьмин Антон Егорович; с Кузьминым я встречался только по делам службы, заходил к нему в дом только во время исполнения религиозных обрядов, никаких разговоров у меня с ним по вопросам коллективизации сельского хозяйства, хлебозаготовок и о политике советской власти, проводимой в деревне, не было. Сам я никаких подписей среди верующих с протестом против закрытия церкви не собирал и не могу сказать, собирал ли их кто из членов церковного совета, так как мне об этом ничего известно не было. Проповеди я в церкви говорил, но касался вопросов только религиозно-нравственного характера; заявлений и обращений с моей стороны к верующим о том, что коммунисты закрывают храмы, служителей культа облагают непосильными налогами, сажают в тюрьмы, никогда не было. Вину свою в том, что якобы я, служа в церкви, обращался к верующим со словом, что коммунисты закрывают церкви, обируют нас непосильными налогами, сажают в тюрьмы, не признаю и заявляю, что этого с моей стороны допущено не было, и вообще разговоров антисоветского характера с прихожанами я не вел⁵.

Арестованные вместе со священником председателем церковного совета Антоний Кузьмин и крестьяне Симеон Турбанский, Иларион Яковлев также не признали себя виновными. 18 июля 1931 года Тройка ОГПУ приговорила о. Иоанна и председателя церковного совета Антония Кузьмина к пяти годам ссылки в Казахстан с отправкой этапом, Симеона Турбанского и Илариона Яковлева – к трем годам ссылки в Казахстан с отправкой этапом⁶. Антонию Кузьмину было в это время шестьдесят пять лет, и вряд ли ему удалось пережить этап и ссылку.

Отец Иоанн пробыл в ссылке день в день и вернулся на родину в Тверскую епархию в середине 1936 года. После тяжелых условий заключения, изнурительной ссылки, хорошо зная, за что он принял эти страдания, он, как многие мученики первых веков христианства, переносил эти страдания радуясь. Не упрямое упорство было в его желании не солгать, не покривить душой, а переживания радостного сопричастия страданиям сонма увенчанных Христом

святых мучеников, и ему, как и другим, Господь протянул Свою десницу, и сами страдания были уже не страшны.

Вернувшись на родину, о. Иоанн получил благословение на служение в храме села Яконово, причем исповеднический подвиг только укрепил священника в решимости с ревностью послужить Богу и вверенной его попечению пастве. Около года прослужил о. Иоанн в храме Божиим.

5 августа 1937 года председатель Яконовского сельсовета по требованию сотрудников НКВД написал заявление, где просил "принять меры воздействия к служителю религиозного культа Яконовской церкви Васильеву Ивану Ивановичу, который занимался агитацией среди окружающего населения..."⁷

В тот же день священник был арестован и заключен в Тверскую тюрьму. Против него лжесвидетельствовали лишь представители местных властей – председатель сельсовета и бригадир колхоза. Никто из крестьян не согласился оговорить священника.

13 августа после истязаний голодом и бессонницей следователь НКВД допросил священника:

– Следствием установлено, что вы среди колхозников Яконовского сельсовета систематически вели контрреволюционную антисоветскую агитацию. Признаете вы это?

– Не признаю; контрреволюционной, антисоветской агитации я среди колхозников не вел.

– В июле месяце 1937 года вы среди колхозников деревни Малиново открыто высказывали контрреволюционные мысли против подписи на заем и вели провокационные слухи о войне. Признаетесь в этом виновным?

– Виновным себя не признаю, подобных разговоров у меня не было, это я отрицаю⁸.

10 сентября следствие было закончено и дело передано на рассмотрение Тройки НКВД, которая 29 сентября приговорила о. Иоанна к расстрелу. Протоиерей Иоанн Васильев был расстрелян 1 октября 1937 года⁹.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия

Русской Православной Церкви XX столетия.

Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3»

Тверь. 2001. С. 216-220

Примечания

¹ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 21286-С. Л. 3.

² АПРФ. Ф. 3, оп. 60, ед. хр. 13, л. 56, 57.

³ Там же. Ф. 45, оп. 1, ед. хр. 170, л. 57.

⁴ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 9827-С. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 59.

⁶ Там же. Л. 97.

⁷ Там же. Арх. № 21286-С. Л. 9.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 15-16.